

**Михаил Иванович
ВЕНЮКОВ**

**ОЧЕРКИ
КРАЙНЕГО
ВОСТОКА**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В29

Венюков, М. И.

В29 Очерки крайнего Востока / М.И. Венюков. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 160 с. —
(ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-519-66058-7

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66058-7

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

I КИТАЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Знакомство с Востоком приобретает для нас с каждым годом новый, не только научный, но и практический интерес. Торговые виды России на Востоке могут осуществиться только при содействии наших общественных сил, а эти силы должны быть направлены предварительным изучением тех далеких стран, которые так долго и напрасно были нашими соседями, как например Китай. Между тем, китайцы, окруженные, но известному выражению, «китайскою стеною», начали сами выходить за заповедную черту, и с каждым годом все более и более обращают на себя внимание широкой эмиграцией. Точная цифра населения Китая остается по-прежнему решительно неизвестной, и различные писатели принимают разные итоги, между 362 и 516 миллионами; верно одно, что это население очень велико и, несмотря на обширность страны, весьма густо. Вот почему при вопросе о причинах колонизации китайцев, которые столь горды своею национальностью, возникает обыкновенно ответ, что глав-

ным и даже единственным поводом в эмиграции служит непропорциональность итога населения с средствами содержания, с производительностью страны. Пребывание в больших торговых городах и их окрестностях, где действительно люди живут очень тесно и где голодный пролетариат очень многочислен, укрепляет этот взгляд и делает его как бы аксиомой.

Однако же, при несколько внимательном знакомстве с Небесной Империей возникает сомнение, действительно ли одна излишняя людность страны заставляет китайцев оставлять ее. Четырехсотмиллионное население занимает ведь территорию в 95 000 кв. м., и, следовательно, средняя густота населения не превышает средней населенности большей части Франции, откуда вовсе нет эмиграции, и уступает людности Бельгии, Прирейнских земель и даже некоторых уездов Польши. Затем самое поверхностное знакомство с внутренностью Китая удостоверяет, что еще обширные пространства в Срединном царстве остаются необработанными, и не только по горам, но и в равнинах, даже около Пекина. Старые рассказы Риччи и других иезуитов оказываются поэтому неточными, и никто, бывавший в Китае, не решится сравнить эту страну например с Ломбардией или Бельгией, разве будут взяты для сравнения долина Янцзе-Кьяна или окрестности Кантона, Нингпо и т. п. А так как китайская почва очень производительна и климат страны напоминает климаты земель соседних Черному и Средиземному морям и даже тропических, то нет, кажется, возможности сомневаться, что 95 000 кв. м. могут

прокормить не только 400, но даже 500 и более миллионов. И действительно, дешевизна многих продуктов земледелия доказывает, что *общий недостаток* первой потребности, хлеба, есть причина эмиграции, а *бедность низших* классов — результат дурного управления страной, и *небезопасность* опять-таки от чиновничьего произвола, *собственности и личности* людей с состоянием.

Сингапур, Гонконг, Сайгон и другие города Востока содержат много китайских богачей, которые, оставляя свою страну почти без куска хлеба, жили мечтами вернуться в нее, чтобы среди родных и знакомых насладиться нажитым состоянием; но едва они привыкали к европейским порядкам, как мысль о возвращении на родину оставляла их навсегда. Патриотизм стал ограничиваться лишь тем, что умирающий приказывает прах свой отвести в Срединное царство и там похоронить на семейном кладбище; живые же люди почти не возвращаются в Китай. В самом деле, как ни бесцеремонны французские чиновники и офицеры в обращении с китайцами, как ни грубо-пристрастны к ним англичане и американцы, которые все, от посланников и губернаторов до лавочников и фермеров, видят в сынах Небесной Империи опасных промышленных соперников и следующих жесточайших врагов; но все-таки китайцу лучше живется в Сайгоне, Гонконге и Сан-Франциско, чем где-либо в Чэн-ду-фу или в Нанкине.

Поэтому на эмиграцию китайцев нужно смотреть как на явление не только экономическое, но и социально-политическое, и даже видеть в ней пре-

имущественно последнее. Конечно, голод имеет большую долю участия в лишении родины многих сынов Небесной Империи; но в настоящее время главная причина выселения их состоит в желании лучше обезопасить свою личность и собственность на чужбине, чем дома. В доказательство этого стоит только привести, что китайцы теперь выселяются исключительно туда, где есть европейски устроенные правительства, хотя в других странах они могли бы найти для себя больше материальных выгод и даже стать поземельными собственниками. Они не заселяют пустынных, но роскошных стран Новой Гвинеи или Новой Голландии, не переезжают в Африку, в Персию, даже в близкий Аннам, куда бегут только преступники, а идут в Новый Южный Валлис, на Яву, в Калифорнию, даже в приатлантические штаты Северной Америки, хотя это и значительно дальше. Можно с уверенностью сказать, что не будь постановлено несколько стеснительных правил против наплыва китайцев в Австралию и Калифорнию, они в несколько лет сделались бы господствующим населением в этих странах, с совершенным почти исключением европейского элемента, столь еще слабого по числу. Умеренность их нужд, смышленность и трудолюбие в том речательство.

Нет никакой возможности установить сколько-нибудь точную статистику китайской эмиграции в общем ее объеме; не для некоторых стран, колонизируемых сынами Небесной Империи, это возможно. Начнем с ближайших в Китаю.

Английская колония *Гон-Коне* содержит, при 2600 человек европейского населения, 117 000 китайцев, почти исключительно из южных провинций. Между ними есть богатые купцы, ремесленники и масса рабочих. Великолепные здания Гонконга, доки Абердина, магазины в гонконгском порте — все это сооружено китайскими руками. Гонконгские китайцы-капиталисты участвуют во многих европейских предприятиях своими капиталами, а еще более служат поверенными по прибыльной торговле опиумом. Ибо после договоров 1858–1860-х годов разные почтенные (*honorable*) Джардини, Гиббы и другие не занимаются сами ни контрабандной, ни даже «законной» торговлей ядом («предметом роскоши», по словам известного Боуринга); они передают полученный оптом из Индии товар своим агентам из китайцев, которые и действуют столь успешно, что ежегодно более чем на 17 000 000 рублей опиума ввозится в Китай беспошлинно, о чем благородные цивилизаторы и не стыдятся публиковать в газетах, на смех дружественному китайскому правительству, что купцы, без сомнения, люди с узким кругозором и испорченные нравственно алчностью в прибытках, заботятся о расширении гнусной торговли, это еще не удивительно; но любопытно, что в кичащейся успехами «гуманизма» Англии самые законодатели страны — люди «отборные», горячо стоят за эту торговлю. Смотрите, например, отчет о заседании английского Парламента 10-го мая 1870 г., где на предложение г. Лаусона выразить неодобрение палаты Ост-Индскому правительству в том, что оно все

свои финансовые планы основывает главнейше на пошлинах с опиума (7 млн фунт ст.), палата отвечала отказом: 150 голосов против 46¹. Евреи и парсы, такие как Сасун, Ландштейн, Фрамжии, Рустемжии и другие помогают им. Масса китайского населения Гонконга составлена из отъявленных негодяев, и хваленое английское правосудие терпеливо сносит их, ибо, по справедливому замечанию многих наблюдателей, без негодяев нельзя было бы успешно набивать английские карманы². Но иногда китайцы выводят из терпения англичан, особенно когда начнут резать и грабить их по закоулкам

---

¹ См. также письмо Боуринга, того самого, во время губернаторства которого в Гонконге продавалось по 4000 пушек в год пиратам, и который в 1870 г. уверяет, что «опиум есть предмет роскоши у чужеземной нации: почему же нам и не извлекать из него выходы?»

² Этот упрек английской юстиции делается не с ветра: она совсем не та в колониях, что в самой Англии. Из бесчисленного множества примеров, приведу один, бывший на моих глазах в Иокогаме. Японский купец сторговал в апреле 1870 г. у английского г. Книксона груз рису по 2 долл. 20 ц. за пикуль на 20 мая, причем дал задатку 2000 долларов. 20 мая груз еще не прибыл, а цены между тем возвысились до 3 долл. 25 ц. Тогда английский купец уведомил японского, что контракт их разрывается, «как неисполненный буквально»; груз же и задаток остаются собственностью его, англичанина. На жалобу японца английский консульский суд отвечал приговором его к издержкам и оправданием англичанина. Все буйства матросов и солдат английского гарнизона в Иокогаме, беспрестанное битье японцев и истребление их имущества постоянно наказываются лишь приговорами на работу английской казны: обиженные не получают никогда ни копейки.

и на дачах, что вовсе не редкость в благоцветущей колонии. Иностранец есть положительная жертва китайских *robbers* в Гонконге: его встречают на улице, среди белого дня, бросают ему горсть табаку в глаза, обирают и уходят безнаказанно: никто из видевших грабеж китайцев не пойдет в свидетели, а тем более не явится на помощь. Иностранцу поэтому весьма благоразумно одному не показываться в китайский квартал. Рассказы о подземных ходах, проведенных издали, чтобы ограбить кладовую банка (факт), о таком исчезании людей, что и следа их не могли найти (много случаев), о грабителях, которые, обчистив прохожего, сами кричат: «караул!» и находят свидетелей, — эти рассказы сообщаются в Гонконге с улыбкой, как вещь совершенно обыкновенная и даже в некотором смысле заслуживающая хвалы. Ночью Гонконг был бы положительно непроходим, если бы англичане не знали, с кем имеют дело. После девяти часов вечера китайцам запрещено выходить из дому под опасением немедленного заключения в тюрьму, и даже слуги европейских домов могут появляться на улицах только с особыми билетами от полиции, под ответственностью господ. Китайские лодочники в порте должны тотчас по заходе солнца отчаливать от берега на ружейный выстрел, и смеют приближаться в пристаням только по зову полицейских солдат, которые охраняют набережную и к которым нужно обращаться, если имеешь надобность в лодке, чтобы ночью поехать на рейд.

Сингапур — старший брат Гонконга, хотя уступивший ему пальму первенства в деле того, что англичана-

ми называется: на Востоке *Christian civilisation*, и что на самом деле есть самая вопиющая, нахальная эксплуатация, можно сказать, организованный коммерческий грабеж и мошенничество. Китайцев здесь более 60 000, и они составляют господствующее население города уже не по одному числу, а по богатству. Европейцы, можно сказать, сохранили за собой в Сингапуре только три промысла: паромное, продажу пиратам пороха и оружия и администрацию; все остальное в руках китайцев, между прочим и обширная торговля рисом, колониальными продуктами и европейскими мануфактурными изделиями (последняя, к стороне Нидерландских колоний, большею частью контрабандная).

С Сингапуром и Гонконгом ныне связан отчасти похожий на них *Сайгон*. Здесь, под крылом французского императорского орла, процвели такие китайские Перейры, что некоторые из них одних пошлин с вывозимого опиума уплачивают ежемесячно по полумиллиону франков. В самом Сайгоне нет ни одной лавки, даже с европейскими товарами, которая бы не принадлежала китайцу; исключения составляют несколько кофеен и бильярдных, содержимых французами. Китайский город однако лежит «за городом», т. е. в стороне от пустынной и чопорной резиденции французских чиновников, солдат и миссионеров, начинающейся полицейскою префектурою и оканчивающейся в одну сторону монастырем, а в другую — жандармской казармой.

Подвигаясь к западу от Малаккского пролива, мы находим, снова на английской почве, китайские колонии